

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.19>

Шишкова Ирина Алексеевна

ФРЭНСИС ХОДЖСОН БЕРНЕТТ И ОТБЛЕСКИ БРИТАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА НА СТРАНИЦАХ ДЕТСКИХ КНИГ

Статья рассматривает особенности развития английской детской литературы времен британского колониализма в преломлении к творчеству выдающейся англо-американской писательницы Фрэнсис Ходжсон Бернетт. В России ее произведения до сих пор не исследовались с точки зрения имперских взглядов на мироустройство. Автор акцентирует внимание на эволюции образов детей в ее самом известном романе "Маленькая принцесса" и повести "Заповедный сад". Данная работа позволит подробнее изучить некоторые гендерные аспекты английской детской литературы и проанализировать степень их влияния на общественное мнение Англии времен викторианства и эдвардианства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 85-89. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

“FRANZ KAFKA’S CHINA”: NATURE OF PARADOX

Shastina Marina Vladimirovna

*Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
shastina@rambler.ru*

The article studies the reception of China by the German-speaking writer Franz Kafka (1883-1924), which can be traced at different levels – from the author’s interpretation of the Chinese lyrics to “copying” the paradoxical component in the semantic space of a literary text that generates new meanings. Literary paradox as one of the dominant principles of poetics is studied by the example of the writer’s stories and letters, in which the image of China appears. The study analyses the devices that Kafka uses to create the image of China. It is revealed that Kafka’s reception of China is in ambivalent relation to the generally accepted European “Chinese discourse” of the early XX century.

Key words and phrases: China; Kafka; literary paradox; Chinese discourse; poetics.

УДК 8; 8:82.01

Дата поступления рукописи: 14.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.19>

Статья рассматривает особенности развития английской детской литературы времен британского колониализма в преломлении к творчеству выдающейся англо-американской писательницы Фрэнсис Ходжсон Бернетт. В России ее произведения до сих пор не исследовались с точки зрения имперских взглядов на мироустройство. Автор акцентирует внимание на эволюции образов детей в ее самом известном романе «Маленькая принцесса» и повести «Заповедный сад». Данная работа позволит подробнее изучить некоторые гендерные аспекты английской детской литературы и проанализировать степень их влияния на общественное мнение Англии времен викторианства и эдвардианства.

Ключевые слова и фразы: детская литература; британский колониализм; Фрэнсис Ходжсон Бернетт; «Маленькая принцесса»; «Заповедный сад»; викторианство.

Шишкова Ирина Алексеевна, д. филол. н., профессор
*Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва
ishishkova@yandex.ru*

**ФРЭНСИС ХОДЖСОН БЕРНЕТТ И ОТБЛЕСКИ БРИТАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА
НА СТРАНИЦАХ ДЕТСКИХ КНИГ**

В век инновационных технологий не ослабевают интерес исследователей к «золотому веку» английской детской литературы. По мнению Перри Нодельмана (Perry Nodelman), художественные произведения для детей писались взрослыми, которые хотели представить в них «другое» идеальное детство, отличное от своего собственного, или реализовать свои неосуществленные желания и политические амбиции [11, p. 32].

Как и в настоящее время, большинство художественных произведений для взрослых отражали рефлексию протагонистов, обусловленную политическими и социокультурными особенностями определенных исторических периодов, но в книгах для детей при описании тех же отрезков времени акцент делался на иных составляющих: коде поведения в семье и обществе, духовно-нравственном воспитании, необходимости получения образования и т.д.

Американская исследовательница детской литературы М. Д. Кутцер (M. D. Kutzer) отмечала, что художественные произведения для взрослых часто ставили под сомнение справедливость существующего социального строя с его политическими и культурными приоритетами, в то время как авторы детских повестей старались избегать критики современного мироустройства. Сюжеты многих детских книг, особенно в конце XIX в., несмотря на часто содержащиеся в них печальные события, изобиловали счастливыми моментами и легко разрешимыми проблемами. Тот придуманный взрослыми райский мир имел мало общего с реальной жизнью детей и давал читателям представление о детстве как о некоем идеальном королевстве, в котором, несмотря на серьезные испытания, взрослые всегда стремились защитить своих чад от бед и пробудить в них веру в идеалы. Детская художественная литература старалась обеспечить целевой читательской аудитории привлекательное воображаемое пространство, свободное от социальных и культурных потрясений. Как вымышленные, так и основанные на реальных фактах тексты помогали интегрировать юных читателей в социум и прививали им соответствующие нормы поведения [10, p. 16].

В этом смысле английская детская художественная литература была консервативнее взрослой: она демонстрировала приверженность к сохранению веками существующих традиций прошлого и не готовила детей к реальному будущему. Например, в 1924 году Э. М. Форстер (Edward Morgan Forster, 1879-1970) в своем известном романе «Путешествие в Индию» (“The Path to India”) описывал серьезные неудачи британцев в Индии, но детские книги того периода по-прежнему призывали юных читателей жить по старым имперским правилам и по умолчанию восхищаться «прогрессивной» миссией колонизаторов.

Актуальность настоящей статьи состоит в более пристальном рассмотрении духовных ценностей, запечатленных в литературе для детей эдвардианского периода. **Научная новизна** заключается в освещении психолого-гендерного аспекта прозы для юных читателей на основе двух самых известных произведений выдающейся англо-американской писательницы Фрэнсис Ходжсон Бернетт (Frances Eliza Hodgson Burnett, 1849-1924) – «Маленькая принцесса» (“A Little Princess”, 1905) и «Заповедный сад» (“The Secret Garden”, 1911). **Целью** работы является изучение некоторых эволюционных составляющих пост-викторианской литературы для подростков. В этой связи предстоит решить следующие **задачи**, обусловленные особенностями указанного исторического периода, а именно: 1) показать, каким образом детские авторы отражали «победы» колонизаторов; 2) рассмотреть, как изображалась Великобритания в романах и повестях для юношества; 3) проследить, как модифицировался образ ребенка в произведениях Бернетт.

Заметим, что во многих английских детских книгах прославлялась Великобритания как империя. Если идеологическая трактовка событий, как правило, появлялась в школьных учебниках, то в художественной литературе для детей нередко можно было встретить панегирики, посвященные победам колонизаторов, хотя и в закодированной форме, например, в произведениях Киплинга «Ким» (“Kim”, 1901) или «Пак с холмов» (“Puck of Pook’s Hill”, 1906) [Ibidem, p. 14]. Подобное воплощение имперских амбиций на страницах детских книг продолжалось и в двадцатом веке, хотя восторженное отношение к колониальным завоеваниям сменилось ностальгическими чувствами, связанными с безбедной и стабильной жизнью среднего и высшего среднего классов викторианского периода (1837-1901).

В XIX в. выбор книг для ребенка осуществлялся взрослыми, так как сами дети не имели возможности их покупать. Известная американская исследовательница детской литературы Жаклин Роуз (Jacqueline Rose) пишет о том, что положительные характеристики героев детских книг тоже являлись плодом воображения взрослых и были обусловлены желанием авторов идеализировать своих персонажей [13, p. 12].

По мнению Кутцер, воспитатели того периода придавали колоссальное значение роли книги, обладавшей гораздо большей властью над читательской аудиторией, чем в современном мире, когда художественные произведения конкурируют с фильмами, компьютерными играми, музыкой и Интернетом. Так же, как Британская империя пыталась навязать свои культурные ценности коренным жителям Африки, Индии, Карибского бассейна и других стран, рассматривая их как неразумных детей, нуждающихся в контроле и дисциплине, так и взрослые через книгу пытались привить юному поколению свои духовные ценности. В этой связи английские авторы детских книг представляли Британскую империю как упорядоченное и созидательное пространство, в котором все народы живут под опекой матери-королевы Виктории [Ibidem, p. 16]. Как замечают Ширли Фостер (Shirley Foster) и Джуди Саймонс (Judy Simons), в детских книгах того времени красной нитью проходит мысль о необходимости создания дружной английской семьи, эмоционально и психологически защищенной, в которой главные роли предстояло сыграть героиням, отличающимся «идеальной женственностью» [6, p. 5]. По мнению многих исследователей, детская английская литература XIX – начала XX в., опиравшаяся на библейские сюжеты и проследившая этапы морального и духовного роста персонажей, была ориентирована прежде всего на читательниц-девочек, что значительно отличало ее от приключенческой прозы для мальчиков. Общество стало больше заботиться о психологическом состоянии юных читательниц, и из детских книг стали исчезать эпизоды, подобные сцене из печально известной нравоучительной детской книги миссис Шервуд (Mrs. Sherwood, 1775-1851) «История семьи Фэрчайлд» (“The History of the Fairchild Family”, 1818), в которой детям в воспитательных целях показывают гниющие трупы на месте казни преступников через повешение.

С течением времени детская проза постепенно утрачивала дидактические составляющие, которые, как справедливо заметил С. Я. Маршак, лишь отталкивают юных читателей [3, с. 310], но гендерные различия стали более очевидными: героям-мальчикам позволялось гораздо больше, чем персонажам-девочкам.

От юных героинь по-прежнему ожидали беззаветного служения близким и образцового поведения в обществе. Так, Этель Мэй (Ethel May) из знаменитой книги Шарлотты Янг (Charlotte Yonge, 1823-1901) «Венок из маргариток, или Высокие устремления» (“The Daisy Chain, or Aspirations”, 1856), считавшая себя рассеянной и неловкой и мечтавшая об открытии воскресной школы, была вынуждена после смерти матери отказать от собственных интересов ради заботы об отце и осиротевших братьях и сестрах. Образ девочки-сорванца не приветствовался, хотя Джо (Joe) из «Маленьких женщин» (“Little Women”, 1867) Луизы Мэй Олкотт (Louisa May Alcott, 1832-1888) именно такой и была, и писательница не видела в этом ничего предосудительного, хотя в угоду времени устами матери и пожилых родственниц постоянно напоминала девочкам о хороших манерах.

Семейная жизнь для «маленьких женщин» тоже была представлена как захватывающее приключение, которое по занимательности не должно было отставать от фантастических романов о поисках сокровищ и схваток с пиратами для юных джентльменов.

В двух самых известных произведениях для детей Фрэнсис Элизы Ходжсон Бернетт – «Маленькая принцесса» и «Заповедный сад» – описывается влияние колониальной Индии на судьбы главных героинь – Сары Кру (Sara Crewe) и Мэри Леннокс (Mary Lennox). Их обеих привозят оттуда в Англию, страну, которая поначалу кажется им холодной и даже враждебной.

Бернетт была прогрессивной женщиной своей эпохи и, безусловно, знала о различных проблемах главной колонии Британской империи, но ее читательницы, сопереживая историям Сары Кру и Мэри Леннокс, скорее всего думали о перипетиях в жизни девочек, а не о политике. Писательница показывала, что для ребенка важно нахождение в семье, рядом с любящими и заботливыми родителями, в то время как мир большой политики лишь косвенно затрагивался в разговорах взрослых персонажей.

Как известно, на творчество Бернетт оказали сильное влияние романтики. Она переняла их взгляд на природу, очищающую душу индивидуума, особенно душу ребенка. Сын работников поместья Диккон (Dickon) олицетворяет образ чистого бесхитростного мальчика, созданного У. Блейком, У. Вордсвортом и сестрами Бронте. Привнося радость в жизнь окружающих, он способен слышать голоса зверей и птиц и по первому зову прийти на помощь.

По мнению Джин Уэбб (Jean Webb), Бернетт противопоставляет характер Мэри идеализированному образу ребенка, обладавшего богатым воображением, невинностью, любовью к играм на свежем воздухе и интуитивной тягой к природе. Все эти качества были присущи красивым и здоровым персонажам, с которыми авторы и ассоциировали чудесный период детства. В идеале такой герой-ребенок должен был жить в хорошей и дружной семье, которая позволила бы ему успешно развиваться как духовно, так и физически. Однако, поместив семью Мэри в Индию, писательница показывает, что ее образ не соответствует романтическому идеалу. Героиня не обладает красивой внешностью, она одинока, потому что родителям не до нее – отец, британский офицер, постоянно занят на службе, а мать, как и все жены высокопоставленных военных той эпохи, постоянно участвует в светских мероприятиях. Джин Уэбб считает, что Бернетт рассматривает Мэри Леннокс как невинную жертву британского империализма – девочка не выбирала, где ей жить, и в Индии родители уделяли ее воспитанию мало внимания, поэтому она вырастает упрямой и раздражительной [14, р. 91-92].

С этим мнением трудно согласиться, потому что и в Англии родители точно так же могли не обращать внимания на нужды не только чужих, но и своих детей. Достаточно вспомнить всем известное выражение королевы Виктории о том, что детей должно быть видно, но не слышно, и сказку «Питер Пэн в Садах Кенсингтона» (“Peter Pan in Kensington Gardens”, 1906) Дж. М. Барри (J. M. Barrie, 1860-1937), которая начинается с описания невеселой жизни обделенных вниманием детей, проживающих в благополучной викторианской семье. Даже если книга Эдит Несбит (Edith Nesbit, 1858-1924) «Дети железной дороги» (“The Railway Children”, 1905) полна родительской любви, все равно ее маленькие персонажи чаще всего вынуждены сами себя занимать.

В другом романе Бернетт, «Маленькая принцесса», пребывание в Индии не оказало негативных последствий на характер Сары Кру, которая вела себя со всеми как настоящая аристократка, но никогда не позволяла грубости по отношению к людям низших сословий. Однако в бедах Сары тоже «виновата» Индия, так как именно в этой стране погибает ее отец. Взрослому читателю не составит труда догадаться, каким путем он разбогател, став владельцем дорогих алмазов. Перед смертью он поместил дочь в частную школу закрытого типа. Директриса, холодная и расчетливая мисс Минчин (Miss Minchin), оказывает девочке повышенные знаки внимания, рассчитывая на большое состояние ее отца, но, узнав о том, что тот разорился, тут же теряет к ней всякий интерес, загружая непосильной для ее возраста работой.

Нельзя не согласиться с А. О. Беловой в том, что главной составной частью сюжета повести о маленькой принцессе является не морализирование, а мотив игры, через которую дети постигают мир: «... писательница последовательно назначает главную героиню на различные роли, тем самым желая показать Сару Кру цельной натурой, сохраняющей свое человеческое достоинство, умение оставаться “настоящей принцессой”» [1, с. 255]. А. О. Белова пишет и о коллективной игре, к которой Сара привлекает своих друзей, скрашивая их существование в мрачном заведении мисс Минчин. В этой частной школе девочкам приходится столкнуться с унижением и несправедливостью. А. О. Белова замечает, что, несмотря на счастливую развязку, детство Сары представлено отнюдь не в радужном свете, подчеркивая, «что не столь страшна сама хозяйка (мисс Минчин. – *И. Ш.*), сколько ее оценка происходящего» [Там же, с. 257]. Бернетт противопоставляет два абсолютно разных взгляда на окружающую действительность. Воображение Сары «облагораживает бытовое убожество», а взгляды мисс Минчин на воспитание лишь калечат душу ребенка. По мнению исследовательницы, Сара выстраивает новую реальность, преобразуя убогое пространство пансиона в сказку, в которой нет места деспотизму взрослых [Там же, с. 256], и этим помогает выжить не только себе, но и другим страдающим детям.

В отличие от доброй и мягкой Сары Кру, Мэри растет как маленькая правительница, а не наивный и послушный ребенок. Она груба с окружающими и пытается постоянно ими командовать. Как представляется, здесь доводы Джин Уэбб звучат убедительно, так как негативные черты характера проявились у девочки именно из-за отсутствия родительской заботы и подобострастного отношения к ней слуг, которые делают за нее буквально все – она не умеет даже самостоятельно одеваться. Далее Джин Уэбб говорит о том, что Мэри лишена возможности нормально развиваться – ей чужды игривость, смех, общение с природой, потому что она вырвана из нормальной среды и целиком и полностью зависит от воли взрослых. В связи с изменившимися обстоятельствами она ни эмоционально, ни физически не подготовлена жить в стране с непредсказуемым климатом и у чужих людей, какой является для нее Англия. В этом Джин Уэбб, безусловно, права, так как у Мэри до приезда в поместье к дальнему родственнику было потеряно чувство родины – она не знает, где ее настоящий дом. Мэри – англичанка, и в Индии к ней относятся как к господскому ребенку, но на самом деле девочка интуитивно чувствует, что никому не нужна. Мэри не ощущает себя ни индусской, ни англичанкой, «попад в ловушку» между двух культур и не принадлежит ни к одной из них [14, р. 93]. Джин Уэбб справедливо замечает, что метаморфоза с Мэри происходит благодаря ее искреннему сочувствию больному кузену Колину (Colin) и положительному влиянию на нее простолудинов, домашних слуг и их детей. Показывая нестабильное психическое состояние Колина, Бернетт метафорически кодирует отрицательные стороны викторианской семьи, когда в угоду приличиям умалчивают о серьезных проблемах, связанных со смертью или болезнью близких.

Мэри приходится привыкать к местным устоям и забыть о счастливой и беззаботной жизни в Индии. Девочка-служанка Марта раскрывает перед ней простые истины проживания в доме, поставив во главу угла

уважительное отношение к старшим и друг к другу. Все больше проникаясь симпатией к Марте, Мэри сравнивает капризное поведение Колина с индийским мальчиком-раджой: "Once in India I saw a boy who was a Rajah. He spoke to his people just as you spoke to Martha. Everybody had to do everything he told them – in a minute. I think they would have been killed if they hadn't" [5, p. 97]. / «Однажды в Индии я видела мальчика-раджу. Он говорил со своими слугами так же, как ты с Мартой. Через минуту все должны были выполнить его приказ. Я думаю, их бы убили, если бы они ослушались» (перевод автора статьи. – *И. Ш.*).

Фред Инглис (Fred Inglis) справедливо замечает, что тема заповедного сада вбирает в себя викторианские чаяния. Бернетт стремилась не только дать всестороннюю оценку символу цветущего радостного сада, но и сделать его местом новой жизни, в которой все идеально устроено. Исследователь признает, что, несмотря на идиллическую картину, созданную писательницей, читатель верит в искренность героев и теплоту их отношений. Сам сад представляет собой рай на земле, бесклассовую безмятежную утопию будущего, замысленного Бернетт [7, p. 111-113].

По мнению американского историка и теоретика литературы Харолда Блума (Harold Bloom), на сюжет истории, рассказанной в знаменитой книге, значительно повлияла смерть любимого сына писательницы Лайонела (Lionel) [4, p. 18].

В 1911 году, переживая собственные семейные неурядицы, Бернетт лишает своих главных героев заботы родителей, сделав Мэри сиротой, а другого персонажа, Колина (Colin) – несчастным больным подростком, после смерти матери брошенным отчаявшимся отцом на попечение слуг. В то же время детским персонажам-простолудинам она дарит идеальную мать, миссис Сауэрби (Mrs Sowerby), добрую, честную и способную к состраданию чужому горю. Взамен сложной и нестабильной действительности Бернетт старалась преподнести юным читателям модель уникального мироустройства, которую они смогут сохранить и в своей взрослой жизни. Автор их не обманывала, поскольку сама верила в созидательный труд как в панацею от всех несчастий. Именно с природой персонажи Бернетт связывают свои надежды, видя волшебство в повседневном.

По мнению Филлис Бикслер Коппс (Phyllis Bixler Koppes), образ заповедного сада является георгианским тропом, объединяющим символом возрождения. При более пристальном взгляде на этот символ становится очевидным, насколько хорошо писательница смогла связать воедино темы и мотивы библейских историй, мифов и сказок. Во-первых, сад – это место, где дети, работая, наблюдают за волшебством, сопровождающим смены времен года и зарождение новой жизни. Во-вторых, вид зимнего сада связан с горькими размышлениями персонажей о смерти матери Колина, решением отца закрыть его как постоянное напоминание о прошлом и уходе из жизни родителей Мэри. Больной запущенный сад указывает на нестабильное психическое состояние Колина, вызванное его недомоганием, а также грустный и растерянный настрой Мэри, обусловленный переездом в другую страну и вынужденным привыканием к порядкам чужого дома.

В-третьих, сад представляет собой живительное волшебство, наполняющее настоящее и дарующее надежду на будущее. Повторяющуюся метафору преобразований, происходящих с садом и персонажами, можно назвать «пробуждением» или «возрождением». Некоторые детали, такие, как таинственность сада и его дикий и неухоженный вид, также указывают на бессознательное начало. По мнению исследовательницы, Бернетт уделяет этим составляющим слишком большое внимание, особенно в главе, в которой она описывает силу разума, опасность его помутнения и необходимость замены «сорняков» плохих мыслей «прекрасными растениями» мыслей светлых.

Наделив образ сада символическим смыслом, Бернетт использует его для воссоединения семьи в конце повести. Сад предоставляет ей возможность для открытой концовки. Когда отец Колина, Арчибалд Крейвен (Archibald Craven), подходит к закрытой калитке сада в поисках сына, он слышит неудержимый детский смех. Тайна сада раскрывается в лице здорового Колина, окруженного радостными товарищами по игре. На протяжении всего произведения Бернетт проводит мысль о том, что сад может вновь зацвести и вернуться к жизни не путем волшебства, а благодаря возрождению душевных сил персонажей с помощью созидательного труда на лоне природы. Теперь Бернетт использует обнесенный стеной сад, чтобы показать, что его чудесное возрождение не удастся сохранить в тайне, потому что тот, кто в нем работал и пробуждал его цветы и деревья к жизни, не захочет останавливаться на достигнутом и ощутит внутреннюю потребность расширить его, бесстрашно выйдя в мир, который находится за его стенами.

Сад становится символом перемен в настоящем и будущем также и потому, что писательница идентифицирует его с проблемами детей и взрослых. Как и Мэри, оставшаяся без родителей, сад страдал от заброшенности, потому что никто не хотел возвращаться к горьким событиям прошлого (ведь его любила мать Колина, которая умерла). Он по-своему тоже «сирота». Кроме того, персонажам по десять лет, и десять лет сад был заперт, так как мать Колина умерла вскоре после его рождения. Оставив мужу маленького сына, она словно перекидывает мостик в будущее, и сад, возрожденный детским трудом, дает надежду и на выздоровление Колина [9, p. 203-204].

Элизабет Леннокс Кейзер (Elizabeth Lennox Keyser) замечает, что «Заповедный сад» указывает на «амбивалентность» Бернетт, касающуюся распределения гендерных ролей. Как и другие женщины-писательницы (сестры Бронте, Джордж Элиот, Луиза Май Олкотт), Бернетт немало пережила, прежде чем ее книги увидели свет, и словно наказывала себя за излишнюю самостоятельность, осуждая самоуверенных женских персонажей и защищая патриархальные устои. Несмотря на преклонение перед мужским авторитетом, писательница наделяет образ Мэри чертами по-мальчишески самостоятельной Джо из «Маленьких женщин» Л. М. Олкотт. Девочка обладает сильным характером, даром убеждения и помогает Колину преодолеть недомогание через обретение уверенности в собственных силах [8].

Джерри Филлипс (Jerry Phillips) упоминает об острых социальных проблемах, затронутых в повести «Заповедный сад», которые по своей значимости не утрачивают своей злободневности и сегодня. Так, Филлипс

сравнивает судьбу Мэри, потерявшей родителей, с участью беженца, иммигранта или безработного. Приехав в холодную Англию из Индии и оказавшись в незнакомом месте, Мэри растеряна, как растерян человек, оказавшись один на один с представителями другого социума и не представляющий себе, где корни его идентичности. Героиня не понимает, почему теперь ее дом – Англия, и понятие родины пока лишено для нее всякого смысла. Огромное поместье со множеством закрытых комнат, как и в готическом романе, страшит девочку. Бернетт аллегорически дает понять читателю, что путь в новый мир лежит через преодоление многих проблем, которые предстоит ей разрешить: что ждет ее в этом мире, как к ней будут в нем относиться и найдет ли она в нем свое место.

Фон готического романа позволил писательнице проникнуть в те уголки детской души, которые считаются недоступными в реалистическом художественном произведении для детей – авторы предпочитают их обойти по причине неготовности ребенка столкнуться с перипетиями, описанными в произведениях для взрослых [12, p. 182].

Бернетт стремится показать читателям, что с прошлым можно примириться через настоящее, наполненное смыслом через любимое дело, которым для Мэри становится работа в запущенном саду. Благодаря этому меняется не только ее непростой характер, но и отношения с окружающими ее людьми, и ее сострадание к чужим бедам и полный отказ от собственного эгоизма делают ее пребывание в поместье живительным не только для Колина, но и для его отца, который так же, как и его сын, закрывает за собой дверь в прошлое и начинает жить настоящим [2, с. 380-381].

Однако, несмотря на пропагандируемое Бернетт равенство всех людей перед богом и природой, герои ее «Заповедного сада» и «Маленькой принцессы» все равно разделены границами своего социального происхождения. Бекки, подружка – служанка Сары Кру, так навсегда и останется служанкой, несмотря на то, что попадает в дом к добрым хозяевам, а мальчик Диккон вряд ли когда-либо окажется на той же «ступеньке» социальной лестницы, что и Колин. Сама Мэри сможет рассчитывать лишь на то, чтобы в будущем станет его супругой и через выгодную партию сможет осуществить свои планы [10, p. 63]. Тем не менее повесть «Заповедный сад» и роман для детей «Маленькая принцесса» заняли свое почетное место в английской и всемирной литературе из-за уважения к людям любого сословия и национальности и прославления вечных ценностей.

Список источников

1. **Белова А. О.** Мотив игры в повести Ф. Х. Бернетт «Маленькая принцесса. Приключения Сары Кру» // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всероссийской научной конференции: в 3-х т. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2012. Т. 3. С. 255-259.
2. **Демурова Н. М.** Несколько слов о «Заповедном саде» и его создателе // Бернетт Ф. Заповедный сад. М.: УРАО, 2000. С. 375-381.
3. **Маршак С. Я.** Воспитание словом. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.
4. **Bloom H.** Women Writers of Children's Literature. Philadelphia: Chelsea House, 1998. 184 p.
5. **Burnett F. H.** The Secret Garden. N. Y.: Grosset and Dunlap, 1938. 388 p.
6. **Foster Sh., Simons J.** What Katy Read: Feminist Readings of "Classic" Stories for Girls. Iowa City: University of Iowa Press, 1995. 235 p.
7. **Inglis F.** The Promise of Happiness: Value and Meaning in Children's Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 348 p.
8. **Keyser E. L.** 'Quite Contrary': Frances Hodgson Burnett's "The Secret Garden" // Children's Literature. 1983. Vol. 11. № 1. P. 1-13.
9. **Koppes Ph. B.** Tradition and the Individual Talent of Frances Hodgson Burnett: A Generic Analysis of Little Lord Fauntleroy, A Little Princess, and The Secret Garden // Children's Literature. 1981. Vol. 7. № 1. P. 191-207.
10. **Kutzer M. D.** Empire's Children: Empire and Imperialism in Classic British Children's Books. N. Y.: Garland, 2002. 182 p.
11. **Nodelman P.** The Other: Orientalism, Colonialism, and Children's Literature // Children's Literature Association Quarterly. 1992. Vol. 17. № 1. P. 29-35.
12. **Phillips J.** The Mem Sahib, the Worthy, the Rajah and His Minions: Some Reflections on the Class Politics of "The Secret Garden" // The Lion and the Unicorn. 1993. Vol. 17. № 2. P. 168-194.
13. **Rose J.** The Case of Peter Pan: The Impossibility of Children's Fiction. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1984. 208 p.
14. **Thacker D. C., Webb J.** Introducing Children's Literature: From Romanticism to Postmodernism. N. Y.: Routledge, 2002. 205 p.

FRANCES HODGSON BURNETT AND THE BRITISH COLONIALISM REFLECTIONS IN THE PAGES OF CHILDREN'S BOOKS

Shishkova Irina Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow
ishishkova@yandex.ru

The article considers the development features of the English children's literature of the British colonialism era in terms of the outstanding Anglo-American writer Frances Hodgson Burnett's creative work. In Russia, her works have not been studied from the perspective of imperial views on the world order yet. The author focuses on the evolution of children's images in her most famous novel "A Little Princess" and the story "The Secret Garden". The paper allows studying some gender aspects of the English children's literature in more detail and analysing the degree of their influence on the public opinion of England in the Victorian and Edwardian era.

Key words and phrases: children's literature; British colonialism; Frances Hodgson Burnett; "A Little Princess"; "The Secret Garden"; Victorian era.